

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

1959 · 50 · 2009

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО СЕРГЕЯ ЗОЛОТУХИНА ПРОТИВ РОССИИ

(Заявление №. 14939/03)

РЕШЕНИЕ

СТРАСБУРГ

10 февраля 2009

Это решение является окончательным, но может быть отредактировано.

По делу Сергея Золотухина против России,

Европейский суд по правам человека, заседая Большой Палатой в составе:

Jean-Paul Costa, *председатель*,
Nicolas Bratza,
Françoise Tulkens,
Josep Casadevall,
Corneliu Bîrsan,
Karel Jungwiert,
Elisabeth Steiner,
Anatoly Kovler,
Stanislav Pavlovschi,
Egbert Myjer,
Dragoljub Popović,
Isabelle Berro-Lefevre,
Päivi Hirvelä,
Giorgio Malinverni,
Luis López Guerra,
Mirjana Lazarova Trajkovska,
Ledi Bianku, *судьи*,

and Michael O'Boyle, заместитель секретаря,

после совещания за закрытыми дверями 26 марта 2008 года и 21 января 2009 года,

провозглашает решение, принятое в последнюю из упомянутых дат:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было открыто по заявлению (№ 14939/03) против Российской Федерации, поданному 22 апреля 2003 года в суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России, господином Сергеем Александровичем Золотухиным («заявитель»).

2. Заявителя представлял господин Ф. Лич и господин К. Коротеев, адвокаты Юридического центра по европейским правам человека. Российское правительство («Правительство») представляла г-жа В. Милинчук, бывший представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 4 Протокола №7 на то, что он был дважды подвергнут преследованию в связи с одним и тем же правонарушением.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В рамках этой секции была сформирована Палата

для рассмотрения этого дела (статья 27 § 1 Конвенции) согласно правилу 26 § 1.

5. 8 сентября 2005 года жалоба была объявлена частично приемлемой Палатой в составе следующих судей: *Christos Rozakis*, *Peer Lorenzen*, *Snejana Botoucharova*, *Anatoli Kovler*, *Khanlar Hajiyev* и *Sverre Erik Jebens*, а также *Søren Nielsen*, секретарь секции.

6. 7 июня 2007 года Палата в составе следующих судей: *Christos Rozakis*, *Loukis Loucaides*, *Nina Vajić*, *Anatoli Kovler*, *Khanlar Hajiyev*, *Dean Spielmann* и *Sverre Erik Jebens*, а также *Søren Nielsen*, секретарь секции, пришли к единогласному выводу, что имело место нарушение статьи 4 Протокола № 7, и присудили компенсацию нематериального вреда и судебных издержек.

7. 5 сентября 2007 года Правительство обратилось с ходатайством в соответствии со статьей 43 Конвенции и правилом 73 о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты. Коллегия Большой Палаты удовлетворила это ходатайство 12 ноября 2007 года.

8. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями статьи 27 §§ 2 и 3 Конвенции и правилом 24.

9. Заявитель и правительство подали каждый свои письменные замечания по существу. Кроме того, были получены комментарии третьих лиц от учебного института в Парижской коллегии адвокатов, которому Председатель разрешил вступить в письменное разбирательство дела (статья 36 § 2 Конвенции и правила 44 § 2).

10. Слушания проходили публично во Дворце прав человека в Страсбурге 26 марта 2008 года (правило 59 § 3).

Перед судом предстали:

(а) от Правительства

г-жа В. Милинчук, уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, а также г-жа И. Майке, г-жа Ю. Цимбалова, советник;

(б) от заявителя

г-н Ф. Лич, адвокат; г-н К. Коротеев, советник.

Суд заслушал выступления г-на Лича, г-на Коротеева и г-жи Милинчук.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Заявитель родился в 1966 году и проживает в Воронеже.

А. События 4 января 2002 года

12. События описаны сторонами в соответствующих документах и происходили в тот день следующим образом.

13. С утра 4 января 2002 года заявитель был доставлен в отделение милиции № 9 Министерства внутренних дел в Ленинском районе города Воронежа (далее: «отделение милиции») с целью установить, каким образом он сумел провести свою подружку, г-жу П., в месторасположение закрытой воинской части.

14. В отделении милиции заявитель оказался вначале в канцелярии паспортной службы. Он был пьян и оскорблял сотрудника паспортного стола, а также г-жу Ю., руководителя отдела ГАИ, капитана С. Заявитель игнорировал сделанные ему замечания и предупреждения. По распоряжению капитана С., после попытки уйти, на него надели наручники. Сотрудники милиции посчитали, что заявитель совершил административное нарушение «мелкое хулиганство».

15. Заявитель был доставлен в кабинет майора К., начальника отделения милиции. Майор К. подготовил протокол о совершении заявителем хулиганства, который гласил:

«Настоящий протокол составлен мной, майором К., начальником отделения милиции № 9 города Воронеж-45, в подтверждение того, что 4 января 2002 года в 9. 45 г-н Золотухин доставлен в отделение милиции № 9, поскольку вместе с г-жой П. был задержан во время незаконного пребывания на территории закрытой воинской части и за непристойные выражения в адрес сотрудников милиции и руководителя [не читаемо], он не реагировал на замечания и предупреждения, и поскольку не исполнял законные распоряжения сотрудников милиции, для пресечения нарушения общественного порядка и попыток скрыться от милиции, был закован в наручники, что в совокупности свидетельствует о том, что он совершил административные правонарушения, предусмотренные в статьях 158 и 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях».

16. Капитан С. и старший лейтенант Н. также присутствовали в кабинете, хотя только майор К. составил протокол. Заявитель нецензурно выражался в адрес майора К. и оказывал на него моральное воздействие. Он снова попытался уйти и при этом опрокинул стул.

17. После того как протокол был составлен, заявитель был помещен в машину, которая должна отвезти его в Грибановский районный отдел милиции. Водитель г-н Л., майор К., старший лейтенант Н. и г-жа П. также проследовали в той же машине. В ходе следования заявитель продолжал ругаться в адрес майора К. и угрожал убить его за возбуждение в отношении него административного дела.

В. Административные осуждение заявителя

18. 4 января 2002 года Грибановский районный суд признал заявителя виновным в совершении правонарушения, предусмотренного статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях, на основании следующих фактов:

«Золотухин ругался в общественном месте и не реагировал на замечания».

19. Заявителю было назначено наказание в виде трех суток административного ареста. В решении указано, что оно не обжаловано и приведено в исполнение немедленно после его вынесения.

С. Уголовное преследование заявителя

20. 23 января 2002 года в отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в совершении 4 января 2002 года в отделении милиции «нарушения общественного порядка, связанного с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка», предусмотренного статьей 213 § 2(б) Уголовного кодекса. На следующий день заявитель был взят под стражу. По состоянию на 1 февраля 2002 года еще два дела были возбуждены в отношении заявителя по другим обвинениям.

21. 5 апреля 2002 года заявителю было официально предъявлено обвинение. Мотивировочная часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого гласит следующее:

«Утром 4 января 2002 года г-н Золотухин был доставлен в отделение милиции № 9 Ленинского района города Воронежа для выяснения обстоятельств, при которых его знакомая г-жа П. проникла на территорию закрытого военного городка Воронеж-45. В паспортном столе отделения милиции № 9 г-н Золотухин, который находился в состоянии опьянения, совершил грубое нарушение общественного порядка, выражающееся в явном неуважении к обществу, сопровождающееся оскорблением лиц, находившихся в помещении паспортного стола, а именно: г-жи Ю., представителя жилищного отдела паспортного стола воинской части № 25852, и капитана С., начальника отдела ГАИ отделения милиции № 9. В частности, последнему, находившемуся при исполнении своих служебных обязанностей в качестве сотрудника милиции, он угрожал применением насилия. Г-н Золотухин не выполнял законные распоряжения капитана С. о прекращении нарушения общественного порядка, а также попытался покинуть помещение паспортного стола, оказывал активное сопротивление лицам, исполняющим обязанности по охране общественного порядка, проявил неуважение к капитану С., пресекающему нарушение общественного порядка и оказал ему сопротивление, чем нарушил нормальную деятельность паспортного стола.

Таким образом, умышленные действия г-на Золотухина свидетельствуют о совершении хулиганства, то есть грубого нарушения общественного порядка,

выражающегося в явном неуважении к обществу, сопровождающееся применением насилия к представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка и пресекающему нарушение общественного порядка, предусмотренного статьей 213 часть 2 пункт «б» Уголовного кодекса.

Ввиду хулиганского поведения г-на Золотухина, с целью составления протокола об административном правонарушении, он был доставлен в кабинет майора К., начальника отделения милиции № 9 Ленинского района города Воронежа, который находился при исполнении своих служебных обязанностей. Майор К. во исполнение своих служебных обязанностей составил протокол в отношении г-на Золотухина о совершении им правонарушений, предусмотренных статьями 158 и 165 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях. Г-н Золотухин, сознавая, что в отношении него составлен протокол об административных правонарушениях, стал публично оскорблять представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей и в связи с их исполнением, совершив оскорбление в присутствии старшего лейтенанта Н., помощника командира воинской части № 14254, и капитан С., начальника отдела ГАИ отделения милиции № 9, тем самым умышленно унизив честь и достоинство сотрудника милиции. Г-н Золотухин сознательно не выполнил неоднократные законные распоряжения майора К. о прекращении нарушения общественного порядка и оскорбительного поведения. Также г-н Золотухин попытался покинуть кабинет начальника отделения милиции без его разрешения, опрокинул ногами кресло, продолжал оскорблять лично майора К. и угрожал ему применением насилия.

Таким образом, г-н Золотухин умышленно совершил оскорбление представителя власти, выражающееся в публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей и в связи с их исполнением, что является преступлением, предусмотренным статьей 319 Уголовного кодекса.

В дальнейшем, после того как был составлен протокол об административном правонарушении, совершенном г-ном Золотухиным, он и г-жа П. были помещены в автомобиль для транспортировки в Грибановский РОВД Воронежской области. В автомобиле, в присутствии г-жи П., старшего лейтенанта Н., помощник командира воинской части № 14254, а также водителя Л. г-н Золотухин умышленно продолжил унижение чести и достоинства майора К., находившегося при исполнении им своих должностных обязанностей, оскорблял его при исполнении им своих должностных обязанностей и в связи с их исполнением, также он открыто угрожал майору К. как начальнику отделения милиции № 9 применением насилия к нему как к представителю власти и его убийством за возбуждение против него административного дела.

Таким образом, г-н Золотухин совершил умышленные действия, выражающиеся в угрозе применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей, что является преступлением, предусмотренным статьей 318 часть 1 Уголовного кодекса».

22. 2 декабря 2002 года Грибановский районный суд вынес свой приговор. Что касается преступления, предусмотренного статьей 213 часть 2, то в этой части районный суд оправдал заявителя по следующим причинам:

«Утром 4 января 2002 года в ... отделении милиции № 9 ... [заявитель], находясь в состоянии опьянения, выражался в адрес...г-жи Ю. и г-на С., угрожая последнему убийством. Он отказался выполнить законное распоряжение капитана С. ..., вел себя агрессивно, отталкивал С. и попытался уйти. Рассмотрев доказательства в ходе судебного разбирательства, суд считает, что вина [заявителя] ... не была установлена. 4 января 2002 года [заявителю] уже было назначено наказание в виде трех суток административного ареста за аналогичные действия [описание действий], предусмотренных статьями 158 и 165 Кодекса об административных правонарушениях. Данное решение суда не было обжаловано и отменено. При таких обстоятельствах, суд считает, что в данном случае в действиях обвиняемого отсутствуют признаки уголовного преступления, предусмотренного статьей 213 часть 2 пункт «б» Уголовного кодекса и в этой части обвинения признает его невиновным ...».

23. Районный суд также признал заявителя виновным в совершении оскорбления представителя власти, предусмотренного статьей 319 Уголовного кодекса. Он установил, что заявитель знал о служебном положении майора К. и оскорблял во время нахождения в его в служебном кабинете, расположенном в отделении милиции, именно за составление протокола об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 158 и 165, в его кабинете в отделении милиции. Показания майора К. на этот счет были также подтверждены показаниями капитана С., старшего лейтенанта Н. и г-жи Ю., которые также присутствовали в служебном кабинете г-на К.

24. Наконец, районный суд признал заявителя виновным в угрозе применения насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих обязанностей, предусмотренного статьей 318 § 1 Уголовного кодекса. На основании показаний майора К., старшего лейтенанта Н. и подруги заявителя суд пришел к выводу, что после того как был составлен протокол об административных правонарушениях, заявитель и его подруга были доставлены на автомобиле в Грибановский РОВД. В автомобиле заявитель продолжал оскорблять майора К. Кроме того, заявитель плюнул на него и сказал, что после освобождения убьет его и скроется. Майор К. воспринимал угрозы как реальные, поскольку в прошлом уже были известны случаи оскорбительного и агрессивного поведения заявителя.

25. 15 апреля 2003 года Воронежский областной суд, в общих выражениях, оставил это решение в силе.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

26. Конституция РФ предусматривает, что «никто не может быть осужден повторно за одно и то же преступление» (ст. 50 ч. 1).

27. Уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, что уголовное дело должно быть прекращено при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу

приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению или при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (статья 27 часть 1 пункты 4 и 5).

28. В Кодексе РСФСР об административных правонарушениях (действовал на тот момент времени) указано следующее:

«Статья 158. Мелкое хулиганство

Мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, - влечет наложение штрафа в размере от десяти до пятидесяти рублей или исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с удержанием двадцати процентов заработка, а в случае, если по обстоятельствам дела, с учетом личности нарушителя, применение этих мер будет признано недостаточным, - административный арест на срок до пятнадцати суток».

29. Уголовный кодекс РФ (в редакции, действовавшей в рассматриваемый момент времени) предусматривает следующее :

Статья 213. Хулиганство

1. Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, - наказывается..., либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, если оно:...

б) связано с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка,

- наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей -

наказывается штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда..., либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 319. Оскорбление представителя власти

Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением –

наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных размеров оплаты труда..., либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года.

30. В пункте 5 своего Постановления № 4 от 27 июня 1978 года (с последующими изменениями и дополнениями) Пленум Верховного Суда РСФСР постановил, что если при рассмотрении материалов о мелком хулиганстве и злостном неповиновении законному распоряжению или требованию работника милиции, действия, вмененные нарушителю как административный проступок, по степени общественной опасности являются уголовно наказуемыми, то тогда также надлежит решить вопрос о возбуждении уголовного дела в отношении этого же лица и в соответствие со статьей 206 Уголовного кодекса РСФСР (после 1 января 1997 года заменена статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации). Однако в пункте 20 своего Постановления № 5 от 24 декабря 1991 года (с последующими изменениями и дополнениями), Пленум Верховного РФ разъяснил нижестоящим судам, что в своей практике судам не следует допускать расширительного толкования понятия уголовно наказуемого хулиганства, чтобы исключить случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в мелком хулиганстве либо в незначительных правонарушениях, влекущих административную ответственность или применение мер общественного воздействия.

III. ПРИМЕНИМОЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

A. Пакт ООН о гражданских и политических правах

31. Статья 14 § 7 Пакта Организации Объединенных Наций о гражданских и политических правах гласит:

«Никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны».

B. Статут Международного уголовного суда

32. Статья 20 Статута Международного уголовного суда гласит:

1. За исключением случаев, предусмотренных в настоящем Статуте, никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано Судом.

2. Никакое лицо не может быть судимо никаким другим судом за упоминаемое в статье 5 преступление, в связи с которым это лицо уже было признано виновным или оправдано Судом.

3. Никакое лицо, которое было судимо другим судом за деяние, запрещенное по смыслу статьи 6, 7 или 8, не может быть судимо Судом за то же деяние, за исключением случаев, когда разбирательство в другом суде:

а) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

б) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию.

C. Европейский союз и Шенгенское соглашение

33. Статья 50 Хартии основных прав Европейского союза, которая была торжественно провозглашена Европейским парламентом, Советом и Комиссией, в Страсбурге, 12 декабря 2007 года, (ОJ 14. 12. 2007, С 303/1), гласит следующее:

«Никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке за преступление, в совершении которого оно уже было окончательно оправдано или осуждено на территории Европейского Союза в соответствии с законом».

34. Статья 54 Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года (CISA) гласит:

«Лицо, в отношении которого был вынесен окончательный приговор одной Договаривающейся Стороной, не может за те же деяния подвергаться преследованию другой Договаривающейся Стороной, при условии, что, в случае осуждения, наказание было отбыто, продолжает отбываться или не может быть исполнено в соответствии с законами Договаривающейся Стороны, где был вынесен обвинительный приговор».

35. Суд правосудия Европейского сообщества (ЕСС) признал тот же принцип *non bis in idem* в качестве основополагающего принципа права Сообщества (*Limburgse Vinyl Maatschappij NV (LVM) and others v. Commission*, C-238/99 P, C-244/99 P, C-245/99 P, C-247/99 P, C – 250/99 P to C-252/99 P & C-254/99, § 59, 15 October 2002) :

«... принцип *non bis in idem*, который является одним из основополагающих принципов права Сообщества также закреплен в статье 4 (1) Протокола № 7 к Конвенции по правам человека и не исключает, что в вопросах конкуренции, предприятие или производство, признанное виновным в антиконкурентном поведении, не может отвечать и быть наказанным во второй раз за антиконкурентное поведение, если по нему уже имеется одно из предыдущих окончательных решений».

36. В сфере применения законодательства о конкуренции Европейского сообщества принципу *non bis in idem* придается следующее толкование (*Aalborg Portland and others v. Commission*, C-204/00P, 205/00P, 211/00P, 213/00P, 217/00P, 219/00P, § 338, 7 January 2004) :

«Что касается соблюдения принципа *ne bis in idem*, то в каждом случае применения этого принципа необходимо учитывать три условия, такие как тождество признаков самого нарушения, организации-нарушителя и охраняемых интересов общества. Таким образом, в соответствии с указанным принципом, одно и то же лицо не может нести более одного раза ответственность за одну и то же незаконную деятельность, направленную против тех же охраняемых интересов общества».

37. Практика ЕСС в вопросах полицейской и судебной взаимопомощи по уголовным делам основывается на отличной интерпретации понятия *in idem* (*Leopold Henri Van Esbroeck*, C-436/04, 9 March 2006):

«27. Первое, что следует учитывать во всех случаях, это то, что формулировка статьи 54 в Конвенции о применении Шенгенского соглашения (Закон «CISA»), определяя понятие «те же деяния», показывает, что данное положение относится только к характеру оспариваемых действий, а не к их юридической классификации.

28. Кроме того, необходимо отметить, что термины, используемые в этой статье, отличаются от тех, которые используются в других международных договорах, которые также закрепляют тот же принцип *ne bis in idem*. В отличие от статьи 54 о Закона CISA, статья 14 (п. 7) Международного пакта о гражданских и политических правах и статья 4 Протокола № 7 к Европейской

конвенции о защите прав человека и основных свобод, используют термин «преступление», который подразумевает также критерий юридической классификации деяний и имеет важное значение в качестве предварительного условия для использования принципа *ne bis in idem*, закрепленного в этих договорах....

30. Непременное следствие из принципа *ne bis in idem*, закрепленного в данной статье, состоит в том, что Договаривающиеся Государства взаимно признают свои системы уголовного судопроизводства и каждое из них признает уголовный закон, действующий в других Договаривающихся Государствах, даже если исход дела был бы иным при применении собственного национального законодательства. ([C-385/01] *Gözütok and Brügger* [[2003]ECRI-1345], §33).

31. Из этого следует, что возможное расхождение в юридической классификаций одного и того же деяния в двух разных договаривающихся государствах не является препятствием для применения статьи 54 Закона CISA.

32. По тем же причинам, критерий тождества охраняемых интересов общества не может быть применим, поскольку этот критерий может варьироваться в зависимости от одного или другого из договаривающихся государств».

33. Приведенные выше выводы еще более подкрепляются назначением статьи 54 Закона CISA, которое заключается в том, что никто не подвергается уголовному преследованию за одни и те же деяния в каком-либо из Договаривающихся государств, если воспользуется своим правом на свободу передвижения (*Gözütok and Brügger*, § 38, and Case C-469/03 *Miraglia* [2005] ECR I-2009, § 32).

34. Как отметил Генеральный атторней в пункте 45 своего Мнения, право на свободу передвижения фактически гарантировано только в том случае, если лицо, совершившее деяние, знает, что после того, как он был признан виновным и отбыл свое наказание, или, где это применимо, был оправдан на основании окончательного судебного решения в одном государстве, он может въезжать в Шенгенскую зону, не опасаясь уголовного преследования в другом государстве-участнике на основании того, что правовая система этого государства-участника рассматривает такое действие в качестве иного правонарушения.

35. Поскольку не произведена гармонизация национальных уголовных законов, а критерий, основанный на юридической классификации деяний или охраняемых интересов может порождать значительное количество препятствий для свободного передвижения по территории Шенгенской зоны, были созданы пенитенциарные системы в Договаривающихся государствах.

36. В этих условиях, единственным критерием для применения статьи 54 Закона CISA является тождественность сущности деяний, понимаемая в том смысле, как совокупность целого ряда конкретных признаков и обстоятельств, неразрывно связанных между собой.

...

38. ...окончательная оценка в этой области относится... к полномочиям компетентных национальных судебных органов, на которые возложена задача выявлять составы деяний, исходя из совокупности включаемых в них квалифицирующих признаков, которые неразрывно связаны между собой по времени, в пространстве и их направленности».

38. Европейский суд правосудия (the ECJ) подтвердил и развил данный подход в толковании и применении принципа *non bis in idem* в последнем деле (*Norma Kraaijenbrink*, C-367/05, 18 July 2007) :

«26. ...Следует отметить, что Суд уже признавал, что единственным допустимым критерием для применения статьи 54 закона CISA является тождественность состава деяния, под которым понимается наличие ряда конкретных обстоятельств, которые неразрывно связаны между собой (см. *Van Esbroeck*, §36; case C-467/04, *Gasparini and Others* [2006] ECR I-9199, § 54, и Case C-150/05 *Van Straaten* [2006] ECR I-9327, § 48).

27. Для того чтобы установить наличие и совпадение конкретных обстоятельств, компетентные национальные суды должны определить, имеет ли состав деяния в каждом из двух случаев (в расследуемых делах) набор тех фактов (признаков), которые неразрывно связаны между собой по времени, в пространстве и их предметному содержанию (см., к тому же, *Van Esbroeck*, §38; *Gasparini and Others*, § 56, и *Van Straaten*, § 52).

28. Из этого следует, что отправная точка в использовании термина «то же деяние» по смыслу статьи 54 Закона CISA в целом заключается в том, чтобы выявить суть каждого конкретного противоправного поступка, совершение которого привело к уголовному разбирательству в судах двух Договаривающихся государств. Следовательно, статья 54 Закона CISA может применяться только тогда, когда суд, осуществляющий судопроизводство по второму уголовному делу, придет к выводу о том, что оба инкриминируемых состава связаны во времени, в пространстве, по их предметному содержанию, и составляют неразрывное, единое деяние.

29. С другой стороны, если по своему составу каждое из деяний не представляет из себя одно и тоже неразрывное единое целое, то данное обстоятельство позволяет суду, осуществляющему разбирательство дела по второму обвинению в отношении лица, которому инкриминируется совершение одних и тех же преступных посягательств, прийти к выводу, что каждой из двух совокупностей выявленных конкретных признаков деяний, в данном случае явно недостаточно для квалификации этих деяний, как одно единое неразрывное целое, что охватывается понятием «те же деяния» по смыслу статьи 54 Закона CISA.

30. Комиссия европейских сообществ, в частности, указала, что наличие субъективной связи между деяниями, которые привели к уголовному разбирательству в двух разных договаривающихся государствах, не обязательно означает, что существует объективная связь между составами этих деяний, и, следовательно, они могут быть выделены во времени и пространстве и по своей природе.

...

32. ... Именно в компетенцию национальных судов входит оценка степени тождественности и связи между всеми фактическими обстоятельствами, которые привели к уголовным разбирательствам в отношении одного и того же лица в каждом их двух договаривающихся государств, которая, однако, может быть такова, что будет признано «те же действия» по смыслу статьи 54 Закона CISA....

36. В свете всего вышесказанного, должен быть дан ответ на первый вопрос о том, как надлежит толковать статью 54 Закона CISA, а также это должно означать, что:

– допустимым критерием в целях применения данной статьи является тождество состава деяния, которое понимается как наличие ряда фактов, которые неразрывно связаны между собой, при этом независимо от юридической классификации деяния или от охраняемых законом интересов.

– различаются деяния, состоящие, в частности, первое: в получении в одном Договаривающемся государстве доходов от незаконного оборота наркотиков, и, второе: в легализации путем конвертации в другом Договаривающемся государстве денежных средств происходящих от такого оборота наркотиков, поскольку такие действия в любом случае не должны рассматриваться как «те же деяния» по смыслу статьи 54 Закона CISA даже если компетентный национальный суд придет к выводу, что эти деяния связаны между собой одними и теми же преступными целями;

– Именно национальный суд вправе давать оценку степени тождества с учетом всех имеющихся обстоятельств, когда это представляется возможным, используя при этом указанные критерии выявления «тех же деяний» по смыслу статьи 54 закона CISA...»

D. Американская Конвенция о правах человека:

39. Статья 8 параграф 4 Американской Конвенции о права человека гласит следующее:

«Лицо, оправданное по основанию, установленному вступившим в силу приговором суда, не подлежит новому преследованию по тому же основанию».

40. Межамериканский Суд по правам человека придал этому положению следующую интерпретацию (*Loayza-Tamayo v. Peru*, 17 September 1997, Series C No. 33, § 66) :

«Этот принцип прежде всего направлен на защиту прав лиц, осужденных по конкретным основаниям и вновь подвергнутых повторному судебному разбирательству по тем же основаниям. В отличие от формулировки, используемой другими международными инструментами защиты прав человека (например, Международным пактом ООН о гражданских и политических правах, где статья 14 (п. 7), определяет понятие тоже «преступление»), Американская конвенция использует выражение «то же основание», как позволяющее создать наиболее лучшие условия в пользу потерпевших лиц».

E. Верховный Суд Соединенных Штатов

41. В Соединенных Штатах правило регулирования «двойной ответственности» вытекает из Пятой поправки к Конституции, соответствующие положения которой гласят: «...ни одно лицо не должно за одно и то же правонарушение дважды подвергаться угрозе лишения жизни или телесного наказания...»

42. По делу *Blockburger v. United States*, 284 U. S. 299 (1932) о том, что обвиняемое лицо продало наркотики, изготовленные не в оригинальной заводской упаковке и без предъявления покупателем письменного разрешения на их приобретение, а также учитывая, что продажа квалифицировалась как два самостоятельных правонарушения, Верховный Суд дал следующее толкование:

«В разделе 1 Закона «О наркотиках» признается преступлением продажа какого-либо из запрещенных наркотиков, за исключением изготовленных в оригинальной заводской упаковке, а в разделе 2 признается преступлением продажа любого из наркотических средств без предъявления покупателем письменного разрешения на приобретение наркотического препарата. Таким образом, на лицо положение, когда возникают два самостоятельных состава преступления. Фактически совершена одна продажа, но остается под вопросом : совершил ли обвиняемый два преступления, запрещенных в обоих разделах, или только одно из них.

...

Каждое из преступлений предполагает доказывание различных факторов. Применимое правило состоит в том, что, когда одно и то же деяние или сделка представляет собой нарушение, предусмотренное различными нормами, возможность установить: совершены ли два преступления или одно, – в каждой ситуации определяется необходимостью доказывания дополнительных оснований или отсутствием необходимости... Цитируя и используя язык Верховного Суда штата Массачусетс по делу *Morey v. Commonwealth*, 108 Mass. 433. можно сказать:

«одно деяние может признаваться преступлением, предусмотренным в двух нормах, если каждая из них требует привести в доказательство наличие дополнительных оснований, по которым обвиняемое лицо ранее еще не было оправдано или осуждено либо если такая норма не освобождает обвиняемого от уголовного преследования и наказания по иным основаниям... ».

43. По делу *Grady v. Corbin*, 495 U. S. 508 (1990) в отношении «перевозчика-убийцы» обвиняемого Corbin, Верховный Суд выработал иной подход:

«... [А] Техника сравнения элементов двух преступлений, которая выработана по делу *Blockburger*, не защищает в достаточной степени обвиняемых лиц от бремени многочисленных судебных разбирательств. Текущее дело демонстрирует недостатки анализа, использованного ранее по делу *Blockburger*.

Если дело *Blockburger* в целом основывалось на «двойной ответственности» в контексте двух последовательно инициированных уголовных дел, то по делу Corbin Штат выступает уже в четырех последовательных судебных процессах: за неспособность держаться от справа от линии разметки, разделяющей встречные стороны движения, за вождение в нетрезвом состоянии, за нападение и за убийство.

Штат улучшал и увеличивал объем представленных доказательств в каждом судебном процессе, при этом показания свидетелей становятся все более и более убедительными, используются лишь наиболее значимые документы из числа исследованных и закрытых доказательств, как оказывающих самое сильное влияние на большинство присяжных (членов жюри). Обвиняемый Corbin

фактически принуждается либо участвовать в каждом из этих процессов либо признать себя виновным, чтобы избежать дальнейших обвинений и последующих расходов.

...

Таким образом, последующее уголовное обвинение должно преследовать нечто большее чем, прохождение простой проверки на тест *Blockburger*'а. Как мы говорили по делу *Vitale*, норма «двойной ответственности» защищает любое лицо от последующего судебного преследования, особенно в тех случаях, когда правительство, установив лишь основные элементы вменяемого вновь преступного поведения, на деле будет вынуждено доказывать, что оно представляет собой преступление, за которое подсудимый уже был привлечен к суду. ... Критический анализ показывает лишь образ действий Штата, а не тех доказательств, которые Штат должен привести в подтверждение такого поведения... [A] Штат не может не соблюдать запрет, предусмотренной нормой о «двойной опасности», даже если просто изменит перечень доказательств, предлагаемых в подтверждение того же самого поведения...».

44. Тем не менее, по делу *United States v. Dixon*, 509 U. S. 688 (1993), Верховный Суд Соединенных штатов вновь вернулся к тесту *Blockburger*:

«Норма «двойной ответственности» защищает от уголовного преследования за совершение не связанных друг с другом уголовных правонарушений также, как и от других уголовных обвинений. В связи с множественностью санкций и уголовных обвинений, правило защиты от «двойной ответственности» применяется, если выявлены два преступления, за которые подсудимый может быть наказан или он не стремится пройти проверку на «те же основания» согласно тесту *Blockburger*... Только такая проверка позволяет сделать вывод о том, включает ли одно из двух преступлений какие-либо основания, одновременно отсутствующие в другом, а если не включает, то оба они являются «тем же преступлением» по смыслу указной нормы, и, следовательно правило «двойной ответственности» защищает от последующего судебного преследования или наказания...».

Несмотря на продолжающееся преследование [в данном случае], несомненно следовало бы запретить защищаться проведением теста *Grady* – «те же основания», а сам тест *Grady* должен быть пересмотрен (отменен) из-за противоречивости последовательно принимаемых с его использованием решений... и как приводящий к замешательству)... Кроме того, тест *Grady* уже доказал нестабильность в его использовании, например, в деле *United States v. Felix*, 503 U. S.. Несмотря на то, что Суду нелегко пересмотреть прецедент, тем не мене Суд никогда не испытывал нужды строго следовать предшествующим решениям, если выявилась их непригодность или ошибочность их мотивировки... ».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

45. Перед Большой Палатой Правительство впервые в своих возражениях сослалось на то, заявителем не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Правительство утверждало, что заявитель не обжаловал вынесенное в отношении него судебное постановление об административном правонарушении, а также постановление о возбуждении в отношении него уголовного дела

46. Суд повторяет, что, в соответствии с Правилом 55 Регламента Суда, любое возражение против приемлемости жалобы должно быть указано, насколько это позволяют характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы (см. *Prokopovich v. Russia*, no. 58255/00, § 29, ECHR 2004-XI (extracts), с дальнейшими ссылками). На стадии рассмотрения вопроса о приемлемости жалобы у Правительства не возникло каких-либо возражений в отношении правила об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Таким образом, Правительство лишено права на данном этапе судебного разбирательства поднимать в своих предварительных возражениях вопрос о том, что заявителем, не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. Поэтому возражения Правительства должны быть отклонены.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 4 ПРОТОКОЛА № 7

47. Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 4 Протокола № 7, что, после того, как он уже отбыл 3-дневное наказание за нарушение общественного порядка, совершенное 4 января 2002 года, он вновь был осужден еще раз за то же правонарушение. Статья 4 Протокола № 7 гласит:

1. Никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же Государства за преступление, за которое уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого Государства.

2. Положения предыдущего пункта не препятствуют повторному рассмотрению дела в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами соответствующего Государства, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

3. Отступления от выполнения настоящей статьи на основании положений статьи 15 Конвенции не допускаются.

А. Имела ли первая санкция уголовно-правовой характер

48. Суд отмечает, что 4 января 2002 года в ходе судебного разбирательства, проводимого в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, заявитель был признан виновным за совершение правонарушений, которые были расценены как «административные», а не как «преступления», предусмотренные российской юридической классификацией. Таким образом, для определения, является ли заявитель «окончательно оправданным или осужденным в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом государства», первый вопрос, который необходимо решить, а касались ли судебные разбирательства «уголовного» основания по смыслу Статья 4 Протокола № 7.

1. Заключение Палаты

49. Палата, учитывая наиболее строгую санкцию в виде 15 суток ареста, который может назначаться за правонарушения, предусмотренные статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях, и 3-суточный срок ареста, отбытый заявителем, посчитала, что вывод о виновности заявителя, сделанный в результате судебного процесса, состоявшегося 4 января 2002 года, можно отнести к «уголовному» осуждению по смыслу статьи 4 Протокола № 7.

2. Аргументы сторон

(а) Заявитель

50. Заявитель утверждал, что его осуждение за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях, удовлетворяет критериям, изложенным Судом о толковании понятия «уголовное обвинение». Он отметил, что именно предельная санкция возможного по его делу наказания – в виде 15 суток – а не фактически назначенное ему наказание, является ключевым основанием для классификации правонарушения как «уголовного» (он также ссылаясь на дела *Engel and Others v. the Netherlands*, 8 June 1976, § 85, Series A no. 22, and *Lauko v. Slovakia*, 2 September 1998, Reports of Judgments and Decisions 1998-VI). Он напомнил, что он был заключен в наручники, и в таком виде предстал перед судьей, признавшего его виновным в тот же день, с назначением наказания в виде 3-суточного ареста и немедленным приведением наказания к исполнению.

(б) Правительство

51. Правительство согласилось с тем, что осуждение заявителя, состоявшееся 4 января 2002 года, имело «уголовную» основу.

3. Выводы Суда

52. Суд повторяет, что одна лишь юридическая характеристика процедур, применяемых в соответствии с национальным законодательством, не может быть единственным критерием, обуславливающим возможность применения принципа *non bis in idem* в соответствии со статьей 4, пункт 1 Протокола № 7. В противном случае, применение этого положения будет поставлено в зависимость от усмотрения договаривающихся государств до такой степени, что может привести к результатам, несовместимым с целями и задачами Конвенции (см., наиболее свежие, *Storbråten v. Norway* (dec.), no. 12277/04, ECHR 2007-... (extracts), с дальнейшими ссылками). Понятие «уголовно-процессуального производства» в тексте статьи 4 Протокола № 7 должно толковаться в свете общих принципов, касающихся взаимосвязанных терминов «уголовного обвинения» и «наказания», используемых соответственно в статьях 6 и 7 Конвенции (см. *Haarvig v. Norway* (dec.), no. 11187/05, 11 December 2007; *Rosenquist v. Sweden* (dec.), no. 60619/00, 14 September 2004; *Manasson v. Sweden* (dec.), no. 41265/98, 8 April 2003; *Göktan v. France*, no. 33402/96, § 48, ECHR 2002-V; *Malige v. France*, 23 September 1998, § 35, Reports 1998-VII; и *Nilsson v. Sweden* (dec.), no. 73661/01, ECHR 2005-...).

53. Прецедентное право Европейского Суда определяет три критерия, широко известные как тест Engel'a (смотри вышеупомянутое дело *Engel and Others*), которые необходимо учитывать при определении наличия или отсутствия «уголовного обвинения». Первым критерием является юридическая классификация совершенного правонарушения в соответствии с национальным законодательством; вторым – сам характер этого правонарушения, а третьим является степень тяжести наказания, которое может понести заинтересованное лицо. Второй и третий критерии являются альтернативными, а не суммируемыми. Это, однако, не исключает совокупный подход, при котором отдельный анализ каждого критерия не позволяет прийти к простому выводу о существовании уголовного обвинения (смотри также предыдущие прецеденты по делам: *Jussila v. Finland* [GC], no. 73053/01, §§ 30-31, ECHR 2006-..., и *Ezeh and Connors v. the United Kingdom* [GC], nos. 39665/98 and 40086/98, §§ 82-86, ECHR 2003-X).

54. В рамках национальной юридической классификации правонарушений «мелкое хулиганство, выражающееся в незначительном нарушении общественного порядка» в соответствии со статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях характеризуется единственно как «административное». Тем не менее, Суд, повторяет ранее установленное, что правовые сферы, определенные в России и других аналогичных правовых системах, как

«административные», включают в себя некоторые правонарушения, имеющие уголовно-правое значение, но слишком тривиально регулируемые уголовным правом и нормами процессуального законодательства (см. *Menesheva v. Russia*, no. 59261/00, § 96, ECHR 2006-...; *Galstyan v. Armenia*, no. 26986/03, § 57, 15 November 2007; и *Ziliberberg v. Moldova*, no. 61821/00, §§ 32-35, 1 February 2005).

55. По своей сути, включение состава такого правонарушения как «мелкое хулиганство» в Кодекс об административных правонарушениях, служит для обеспечения защиты достоинства и спокойствия граждан, а также общественного порядка, то есть тех ценностей и интересов, которые, как правило, относятся к сфере, охраняемой уголовным правом. Соответствующие положения Уголовного кодекса также относятся ко всем гражданам, а не только к группам лиц, обладающих особым статусом. Ссылка на «мелкий» характер деяния, сама по себе не исключает его классификацию как автономного «правонарушения» по смыслу Конвенции, как ничто в Конвенции не предопределяет уголовно-правовую природу преступления, по смыслу критерия *Engel* требующих определенной степени оценки его серьезности (см. *Ezeh*, цит. выше, § 104). Наконец, Суд считает, что главная цель идентификации правонарушения состоит в том, чтобы определить – а обладают ли сопутствующие ему санкции и ограничения теми характерными чертами, которые присущи уголовно-правовым санкциям (*ibid.*, §§ 102 and 105).

56. Степень тяжести меры наказания определяется исходя из максимально возможной санкции, предусмотренной рассматриваемой нормой права. Фактически назначенное в соответствии с нормой права наказание также имеет важное значение в этом случае, но оно не может умалить значение того, что первоначально было поставлено на карту (*ibid.*, § 120). Суд вновь отмечает и то, что статья 158 Кодекса об административных правонарушениях предусматривает пятнадцать суток ареста в качестве максимального наказания, и то, что заявитель в конечном счете был осужден на трое суток лишения свободы.

Поскольку Суд уже неоднократно признавал, что общество, чтя верховенство права, где фактически назначаемое заявителю наказание может быть связано с лишением свободы, одновременно должно чтить и презумпцию того, что выдвинутые против заявителя обвинения также являются «уголовными», поскольку такая презумпция может быть опровергнута совершенно исключительных случаях, и только при условии, если лишение свободы не будет считаться «избыточным», учитывая его характер, продолжительность и способ исполнения. (см. *Engel*, § 82, и *Ezeh*, § 126, оба цит. выше). В данном же деле Суд не усмотрел каких-либо исключительных обстоятельств.

57. В свете вышеизложенных соображений Суд, действуя как Палата, делает вывод, что и природа такого правонарушения как

«мелкое хулиганство», и суровость назначенного наказания, ставят заявителя, осужденного 4 января 2002 года в рамки применимой «уголовной процедуры» исходя из ее назначения по смыслу статьи 4 Протокола № 7.

В. Являются ли правонарушения, за которые преследовался заявитель, теми же самыми (idem)

58. Статья 4 Протокола № 7 устанавливает гарантии, что никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан. Учитывая множественность обвинений, выдвинутых против заявителя в сфере уголовного судопроизводства, Суд считает необходимым вначале выявить – а сходны ли, в основном, уголовные преступления, в которых был обвинен заявитель, с тем административным правонарушением, в совершении которого он был признан виновным.

1. Заключение Палаты

59. Палата пришла к выводу, что осуждение заявителя по статьям 318 и 319 Уголовного кодекса за оскорбление и угрозу применения насилия в отношении представителя власти, в этой части вытекало из отдельных судебных решений, однако основанных на принятом перед ними первым судебным решением, согласно которого суд ранее признал его виновным в «мелком хулиганстве». С другой стороны, обвинение заявителя в совершении «хулиганства», предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса, также основывалось на тех же фактах, которые были положены в основу выводов суда о его виновности по статье 158 Кодекса об административных правонарушениях. Учитывая, что правонарушения в виде «мелкого хулиганства», как оно определено в статье 158, и в виде «хулиганства», предусмотренного статьей 213, имеют одни и те же основные элементы, а именно: нарушение общественного порядка, Палата пришла к выводу, что заявитель был привлечен к ответственности за совершение правонарушения, за которое он уже был осужден ранее.

2. Аргументы сторон

(а) Заявитель

60. Заявитель утверждал, что, когда различные правонарушения вменяются для последовательного привлечения к ответственности за совершение фактически одного и того же деяния, то тогда ключевым становится вопрос – а является ли или не является правонарушением «одни и те же факты». В своей судебной практике Суд, с использованием теста «те же факты», выявил пять деталей. Во-первых,

поведение заявителя невозможно объяснить как не «тоже самое», касательно этих двух преступлений (как в *Manasson*, цит. выше). Во-вторых, преступления сами по себе затрагивают весьма разные важные аспекты (как, например, по делу *Schutte v. Austria*, no. 18015/03, 26 July 2007, где в Уголовном кодексе говорилось об угрозе применения насилия или применении насилия в отношении представителей власти, в то время как Закон о дорожном движении предусматривал ответственность лишь за отказ остановиться при движении по дороге для проведения проверки).

В-третьих, значимые обстоятельства, положенные в основу выводов о виновности подсудимого лица в совершении одного правонарушения, не распространяются автоматически на другие (например, как доказательство умысла или небрежности в указанном выше деле *Rosenquist*, или как доказательство самонадеянного бездействия по делу *Ponsettiand Chesnel v. France (dec.)*, nos. 36855/97 and 41731/98, ECHR 1999-VI). В четвертых, если назначение таких мер различается (например, для профилактики и предупреждения, а не в качестве кары, как по делу *Mjelde v. Norway (dec.)*, no. 11143/04, 1 February 2007). В пятых, когда санкции касаются двух различных самостоятельных юридических лиц (как по делу *Isaksen v. Norway (dec.)*, no. 13596/02, 2 October 2003).

61. Что же касается данного дела, то заявитель указал, что ему было предъявлено обвинение в рамках уголовного судопроизводства в соответствии со статьей 213 Уголовного кодекса за его действия в первой половине дня 4 января 2002 года, за совершение которых он уже подвергался административному наказанию. Он также аргументировал, что те правонарушения, за которые он был отдан под суд и которые предусмотрены статьей 213 Уголовного кодекса и статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях, включают, соответственно, одни и те же фактические и юридические основные элементы.

62. По мнению заявителя, оба инициированных против него дела, касались оскорбления милиционеров, нарушение общественного порядка, отказа выполнять распоряжения милиции и попыток покинуть помещение отдела милиции в первой половине дня 4 января 2002 года. Их фактическое тождество подтверждается описаниями действий заявителя, приведенными в рапорте об административном правонарушении от 4 января 2002 года, и в обвинительном заключении от 19 апреля 2002 года.

63. Касаясь этих описаний, где приведены познания из области права, то можно заключить, что судебное преследование заявителя допускалось либо в соответствии со статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях и либо в соответствии со статьей 213 Уголовного кодекса. И хотя *actus reus* каждого из двух

правонарушений не было точно совпадающим, однако они оба имеют те же самые основные элементы. Понятие «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу», предусмотренное статьей 213 по существу охватывает и понятие «оскорбление [и] нецензурная брань, оскорбительное приставание» в отношении в отношении других лиц, предусмотренное статьей 158. Заявитель сослался на судебную практику Верховного Суда РФ, который начиная с 1978 года указывал, что одни и те же действия могут представлять собой либо административное правонарушение, как «мелкое хулиганство», либо преступление, как «хулиганство», но не одно и то же. (см. пункт 30 выше). Следовательно, возможность квалификации единичного действия как различные правонарушения исключалась в настоящем случае.

(b) Правительство

64. Правительство утверждало, что заявитель совершил два преступления, которые отличаются друг от друга с фактической и юридической точки зрения.

65. Касаясь фактов, то правительство утверждает, что уголовное преследование заявителя по обвинению в «нарушении общественного порядка», предусмотренном статьей 213 частью 2 Уголовного кодекса, за «выражение явного неуважения к обществу, сопровождающееся ... угрозой насилия ... и сопротивлением» в отношении капитана С. и майора К. и обусловленное тем, что последний оформил рапорт об административном правонарушении, берет свое начало после того как административные правонарушения уже были совершены. По утверждениям правительства, с учетом требования о том, что административные процедуры проводятся «быстро» и в «разумные сроки», местные власти были не в состоянии осуществлять одновременное судебное преследование также и вышеуказанных действий заявителя, поскольку они оказывались уже занятыми доставкой заявителя в суд. Для принятия решения о возбуждении уголовного дела несомненно потребовалось дополнительное время и выполнение завершения специфических процессуальных действий. По мнению правительства, аналогичная данному случаю точка зрения изложена в фактических обстоятельствах дела Schutte (см. выше) и дела *Asci v. Austria* (dec., no. 4483/02, ECHR 2006-...).

66. Что касается юридической квалификации, правительство признало, что и административное правонарушение в виде «мелкого хулиганства», и преступление в виде «хулиганства» посягают на охраняемые интересы общества в сфере общественного порядка. Тем не менее, эти два правонарушения отличаются по своим *actus reus* степенью тяжести нарушения общественного порядка, а также тяжестью наказания. Данные административные правонарушения

являются менее опасными, чем указанные преступления, поскольку они охватывает лишь отклонения от установленных социальных и моральных норм, в то время как преступления подразумевают применение насилия и сопротивления в отношении представителя власти. Правительство отметило, что не только «мелкое хулиганство» влечет за собой кратковременное лишение свободы в виде ареста, однако в условия отбывания административного ареста являются более лучшими, чем условия в тюрьмах, где также содержатся преступники, отбывающие уголовное наказание. Кроме того, здесь отсутствует тождество правонарушений.

(с) Третьи стороны

67. Третья сторона утверждала, что французское слово «infractio» и английское слово «offence» имеют двойное происхождение: во-первых, в действительности это конкретные опасные деяния, которые порождают общественные беспорядки; а во-вторых: юридическая классификация этих правонарушений содержится в соответствующих диспозициях норм права, описывающих то поведение, которое подлежит наказанию. Смысл и значение, заложенные в понятиях «infractio» или «offence» все равно остаются связанными с поведением правонарушителя. Такая же путаница сохраняется в инструментах международного права, поскольку фактически используются оба понятия («offences» и «facts»). Это объясняет, почему слово «offences» было переведено в франкоязычном варианте как «les mêmes faits» и в такой редакции дано Конвенции 1990 года о применении Шенгенского соглашения.

68. По мнению третьей Стороны, именно неопределенность сложившаяся вокруг терминов «infractio» и «offence» создает путаницу в использовании Конвенционных институтов. В частности, Комиссия по делу *Raninen v. Finland* (no. 20972/92, Commission decision of 7 March 1996), и Суд по делу *Gradinger v. Austria* (23 October 1995, Series A no. 328-C) использовали слово «offence» для описания поведения заявителя, однако уже Решение по делу *Oliveira v. Switzerland* (30 July 1998, Reports1998-V) обозначило совсем новый подход, в соответствии с которым Суд признал, что различные суды могут выносить решения по «отдельным правонарушениям, даже если все они [есть] часть одного уголовного деяния». Таким образом, «правонарушительная» концепция конструируется вокруг поведения, и с этого момента времени берет начало изложенный выше подход, который по понятным причинам не мог быть предусмотрен авторами-составителями Протокола № 7.

69. Третья Сторона также критикует прецедентное право Суда, из-за обнаружившейся непредсказуемости и правовой неопределенности, и призвала Суд выработать более последовательный подход. По мнению

третьей Стороны, подход, который позволит выявлять то же самое на основе «тех же фактов» представляется наиболее обеспечивающим защиту личности, чем тот метод, который основывается только на юридическом тождестве. Если будет дано понятие «одни и те же факты», то такой подход позволит повысить авторитет прецедентного права Суда и неотъемлемость его полномочий, которые никогда не могут быть предметом национальных дискреционных полномочий.

3. Заключение Суда

(а) Краткий обзор существующих подходов

70. Объем прецедентного права, который был накоплен в истории применения Судом статьи 4 Протокола № 7, свидетельствует о существовании нескольких подходов к вопросу о том, что признается теми же правонарушениями, за которые заявитель был подвергнут судебному преследованию.

71. Первый подход сосредоточен на «одном и том же поведении» заявителя, в частности, независимо от классификации, право выделяет такое поведение (*idem factum*), например, в решении по делу *Gradinger*. В указанном деле г-ну *Gradinger* предъявлялось уголовное обвинение в причинении смерти по неосторожности, а кроме того он был подвергнут штрафу, назначенному в порядке административного производства, за управление транспортным средством под воздействием алкоголя. Суд установил, несмотря на назначение, сущность и цели этих двух правонарушений были различными, и пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 4 Протокола № 7, так как оба судебных решения были основаны на одном и том же поведении заявителя (смотри вышеупомянутое дело *Gradinger*, § 55).

72. Второй подход исходит из предпосылки о том, что поведение подсудимого, которое привело к его судебному преследованию, хотя и может признаваться тем же самым, но однако такое то же самое поведение может представлять из себя сразу несколько правонарушений (*concoure idéal d'infractions*), которые могут рассматриваться в отдельных производствах. Этот подход был выработан Судом в случае по делу *Oliveira* (цит. выше), в котором заявитель был первый раз осужден за неспособность контролировать свое транспортное средство, а затем был осужден за неосторожное причинение телесного повреждения. Его автомобиль вынесло на противоположную сторону дороги, где произошло столкновение сначала с другим автомобилем, а затем еще одно столкновение со вторым автомобилем, при этом водитель последнего транспортного средства получил серьезные травмы. Суд установил, что факты по данному делу являются типичным примером того как одно и тоже совершенное деяние акта представляет из себя различные

правонарушения, а статья 4 Протокола № 7 исключает возможность судить людей дважды за одно и то же преступление. По мнению Суда, было бы более в соответствии с принципом надлежащего отправления правосудия, если бы приговор в отношении обоих преступлений принимался бы тем же судом в комплексно и в результате единичного судебного процесса, и даже тот обстоятельство, что по двум самостоятельным делам были проведены отдельные судебные разбирательства по существу каждого из них, в данном случае не является решающим. Данное обстоятельство означает, что отдельные правонарушения, даже если все они в совокупности были частью единого противоправного деяния, и если по ним были проведены процессы в различных судах, что само по себе свидетельствует, что вышеуказанная ситуация не приводит к нарушению статьи 4 Протокола № 7, особенно в том случае, если назначенные наказания также не были сложными (см. Oliveira, цит. выше, §§ 25-29). В последующем деле Göktaş, Суд также пришел к выводу, что не было нарушения статьи 4 Протокола № 7, поскольку противоправное поведение, за которое заявитель был осужден, представляло собой два самостоятельных правонарушения, а именно: преступления в виде сбыта незаконно ввезенных лекарств (прим. переводчика : здесь вероятно имелись в виду наркотики : «drugs») и таможенные правонарушения в виде уклонения от уплаты таможенных пошлин (см. Göktaş, цит. выше, § 50). Данный подход также использовался в деле Gauthier v. France (dec., no. 61178/00, 24 June 2003) and Ongun v. Turkey (dec., no. 15737/02, 10 October 2006).

73. Третий подход делает акцент на «основных элементах» каждого из двух правонарушений. По делу Franz Fischer v. Austria (no. 37950/97, 29 May 2001), Суд также подтвердил, что статья 4 Протокола № 7 допускает возможность осуществления преследования по ряду правонарушений, вытекающих из одного противоправного деяния (concoeurs idéal d'infractions). Однако, поскольку было бы несовместимо с данным положением, если бы заявитель мог быть вторично судим или наказан за правонарушения, которые лишь «номинально различны», то Суд пришел к выводу, что в таких случаях обязательно следует дополнительно изучить вопрос, не содержат ли такие правонарушения одни и те же «основные элементы». Например, в деле Fischer, когда административное правонарушение в виде управления транспортным средством в нетрезвом состоянии, а также преступление в виде причинения смерти по неосторожности, совершенное лицом «введшим себя в состояние опьянения», также обнаружили те же самые «основные элементы», и потому Суд признал, что имело место нарушение статьи 4 Протокола № 7. Суд также отметил, что если два правонарушения, за которое лицо подвергается преследованию, пересекаются друг с другом незначительно, то только тогда не было

бы оснований считать, что обвиняемый не может подвергаться судебному преследованию поочередно за каждое из них. Тот же подход был затем применен в деле *W. F. v. Austria* (no. 38275/97, 30 May 2002) и в деле *Sailer v. Austria* (no. 38237/97, 6 June 2002), каждое из которых основывалось аналогичной совокупности обстоятельств.

74. С введением понятия «основные элементы» Суд стал гораздо чаще использовать это понятие в последующих делах. В деле *Manasson* характерные «основные элементы» налогового законодательства, отличались именно своим противоречием уголовно-правовым правонарушениям, поэтому было констатировано, что «заявитель полагался на содержащуюся в его учетных журналах неверную информацию при предоставлении своих налоговых отчетов» (смотри вышеуказанное дело *Manasson*). Аналогично, по делу *Bachmaier*, Суд признал, что такой особо отягчающий элемент как вождение автомобиля в нетрезвом виде, был установлен лишь по одному из рассмотренных в отношении заявителя дел (см. *Bachmaier v. Austria* (dec.), no. 77413/01, 2 September 2004).

75. По ряду дел, связанных с налоговыми правонарушениями, были выявлены существенные отличия двух налоговых правонарушений, заключающиеся в том, что они имели различные преступный умысел и цели посягательства (смотри вышеуказанное дело *Rosenquist*). Такие же два различия были признаны существенными в делах *Storbråten and Naarvig*, о которых сказано выше.

76. Неодинаковый подход к «основным элементам» выработан Судом при анализе двух дел против Австрии. В деле *Hauser-Sporn* Суд посчитал, что правонарушение в виде оставления жертвы аварии и правонарушение в виде не сообщения в полицию о случившейся аварии, отличались друг от друга по характеру их преступного умысла и также по различию взаимосвязанных действий и бездействия (смотри дело *Hauser-Sporn v. Austria*, no. 37301/03, §§ 43-46, 7 December 2006). В деле *Schutte* «основными элементами» первого правонарушения стало оказание сопротивления, а также угроза применения силы как способа неподчинения представителям власти, находящимся при исполнении служебных полномочий; в то время как взаимосвязанное второе правонарушение являлось простым бездействием, выражающемся в несоблюдении правил безопасности дорожного движения, а именно – невыполнение распоряжения полиции об остановке (смотри вышеуказанное дело *Schutte*, § 42).

77. Наконец, в своем последнем решении по рассматриваемому вопросу, Суд установил, что два правонарушения, о которых идет речь, имеют различия «основных элементов» также и в том, что эти правонарушения отличаются с точки зрения их тяжести и их последствий, а также охраняемых общественных ценностей и

предусматриваемого преступного умысла (см. *Garrett v. France* (dec.), no. 2529/04, 4 March 2008).

(b) Гармонизация подлежащего применению метода

78. Суд считает, что существование различных методов для выяснения того, является ли правонарушение, за совершение которого заявитель подвергается преследованию в текущий момент времени, тем же самым правонарушением, за которое он уже был ранее окончательно осужден или оправдан, неизбежно порождает правовую неопределенность, что несовместимо с основными правами человека, а именно: правом не подвергаться судебному преследованию дважды за одно и то же правонарушение. Именно на этом фоне Суд в настоящее время призван обеспечить согласование толкования понятия «то же правонарушение» с понятием тот же элемент, заложенным в основополагающем принципе *non bis in idem* – поскольку согласование необходимо для целей, предусмотренных статьей 4 Протокола № 7. Несомненно, что интересах обеспечения правовой определенности, предсказуемости и равенства перед законом, Суд не должен отступать, без уважительных причин, от тех правовых прецедентов по предыдущим делам, однако и невыполнение Судом задач по поддержанию динамичного и эволюционного метода также может привести к риску возникновения препятствий для осуществления реформ и совершенствования (см. *Vilho Eskelinen and Others v. Finland*[GC], no. 63235/00, § 56, ECHR 2007-...).

79. Анализ международных инструментов, включающих в себя принцип *non bis in idem*, в той или иной форме позволяет раскрыть разнообразие используемых его формулировок. Так например, статья 4 Протокола No. 7 к Конвенции, а также статья 14 § 7 Пакта ООН о гражданских и политических правах и статья 50 Хартии об основных правах Европейского Союза упоминают «[тоже] правонарушение» («[même] infraction»). а, например, в Американской Конвенции о правах человека говорится уже о «той же каузе» («*mêmes faits*») ; Конвенция о применении Шенгенского соглашения запрещает преследование за «одни и те же деяния» («*mêmes faits*») ; а Статут Международного уголовного суда использует термин «[тоже] поведение» («[mêmes] actes constitutifs»). Различие между понятиями "одни и те же деяния" или "та же кауза" («*mêmes faits*»), с одной стороны, и понятиями "[то же] правонарушение" («[même] infraction»), с другой стороны, также было выявлено и Судом правосудия европейских сообществ и Межамериканским судом по правам человека, что само по себе является важным аргументом в пользу выработки единого метода, основанного на тождественности содержания деяний, и, одновременно, отвергающего только юридическую классификацию таких деяний, как неуместную. В

процессе своих поисков, оба вышеуказанных суда, отмечали, что именно подобный подход будет к пользе правонарушителя, который в свою очередь будет знать, что после того, как он был осужден и отбыл свое наказание или был оправдан, ему уже не стоит опасаться какого-либо дальнейшего преследования за одно и то же деяние (см. выше : пункты 37 и 40).

80. Суд считает, что используемое толкование слова «правонарушение», изложенное в тексте статьи 4 Протокола № 7 не может служить оправданием для применения более ограничительного метода. Суд повторяет, что Конвенция должна толковаться и применяться так, чтобы осуществление гарантированных прав было практичным и эффективным, а не теоретическим и иллюзорным характер. Конвенция является живым актом, который должен толковаться в свете современных условий (смотри, наряду с другими источниками, также дело *Tyler v. the United Kingdom*, 25 April 1978, § 31, Series A no. 26, и дело *Christine Goodwin v. the United Kingdom*[GC], no. 28957/95, § 75, ECHR 2002-VI). Положения такого международного договора как Конвенция, должны рассматриваться в свете его целей и задач, а также на основе принципа эффективности (см. *Mamatkulov and Askarov v. Turkey*[GC], nos. 46827/99 and 46951/99, § 123, ECHR 2005-I).

81. Суд также отмечает, что подход, который подчеркивает только юридические характеристики каждого из двух правонарушений, является слишком ограничивающим права человека, а в том случае, если Суд поставит себя лишь в рамки вывода о том, что человек был подвергнут судебному преследованию за преступления, имеющие самостоятельные юридические классификации, то неизбежен риск подорвать гарантии, закрепленные в статье 4 Протокола № 7, и в свою очередь это не способствует практичности и эффективности, необходимой по смыслу Конвенции (для сравнения – см. дело *Franz Fischer*, цит. выше, § 25).

82. Таким образом, Суд приходит к выводу, что статью 4 Протокола № 7 следует понимать как запрет на уголовное преследование, а равно и на судебное разбирательство в части касающейся вторичного «правонарушения», если они вытекают из идентичных фактов или из фактов, которые являются по сути теми же самыми.

83. Гарантия, закрепленная в статье 4 Протокола № 7 становится релевантной в начале нового судебного преследования, поскольку более раннее оправдание или осуждение уже приобрело силу *res judicata*. Имеющиеся на данном этапе материалы обязательно должны включать в себя и то решение, которое само по себе свидетельствует, что предыдущие «уголовные процедуры» были завершены, а также должен быть перечень обвинений, выдвинутых против заявителя в новом производстве. Как правило, эти документы должны содержать

изложение фактов, касающихся как того правонарушения, за которое заявитель уже осужден, и так и касающиеся правонарушения, в совершении которого заявитель еще только обвиняется. По мнению суда, наличие таких документов, фактически станет надлежащей отправной точкой для получения ответа по существу вопроса : а являются ли факты, которые в фигурируют двух производствах, идентичными или они по существу одни и те же.

Суд подчеркивает, что не имеет значения то, какие части нового обвинения, в конечном итоге будут поддержаны или отклонены в ходе дальнейшего судебного разбирательства, поскольку в статье 4 Протокола № 7 содержится гарантия от привлечения к суду или возможного осуждения в ходе нового разбирательства, которая, однако, и, одновременно, в целом не является запретом на повторное осуждение или оправдание (сопоставимо с нижеуказанным п. 110).

84. Поэтому Суд в ходе текущего исследования фокусируется на тех фактах, которые обычно представляют собой совокупность конкретных фактических обстоятельств, связанных с тем же самым подсудимым лицом, и неразрывно связанных между собой во времени и пространстве, поскольку их наличие должно быть продемонстрировано в порядке обеспечения защиты от осуждения или от возбуждения уголовного дела.

(с) Применение данного метода в настоящем деле

85. Суд переходит к анализу обстоятельств настоящего дела путем обзора последовательности событий, произошедших 4 января 2002 года, и уголовных обвинений, выдвинутых против заявителя.

86. Ранним утром подруга заявителя была обнаружена на территории закрытой военной части, и после этого они оба были доставлены в отдел милиции № 9, для дачи объяснений. Однако в отношении подруги заявителя не было произведено выяснение обстоятельств ее незаконного проникновения на территорию закрытой военной части.

87. После этого, в отделе милиции, заявитель начал кричать на г-жу Ю. и капитана С., также толкал последнего. Затем он попытался скрыться, но был задержан и заключен в наручники. Милиционеры сочли поведение заявителя оскорбительным и являющимся административным правонарушением.

88. Заявитель был доставлен в кабинет майора К., который начал подготовку проекта протокола об административном правонарушении. Капитан С. и еще один офицер также присутствовали при этом. Заявитель продолжал вести себя неприлично, и ругался на майора К.

89. После того как протокол был оформлен, милиционеры поместили заявителя в автомобиль, чтобы доставить его в Грибановский РОВД. По дороге заявитель продолжал ругаться на

майора К., который также находился в автомашине, и угрожал убить его.

90. Что касается процессуальных производств в отношении заявителя, то здесь Суд в первую очередь отмечает следующее : 4 января 2002 года районный суд осудил заявителя за совершение правонарушения, выразившегося «мелком хулиганстве», предусмотренном статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях. Несмотря на то, что в своем постановлении районный суд привел всего лишь одну сентенцию об установленных фактах, и при этом не упомянул какие-либо доказательства, то здесь можно было бы разумно предположить, что она основывается исключительно на протоколе об административном правонарушении, который составлен милицией и представлен на рассмотрение районного суда (см. выше пункт 15). Следовательно, заявитель в административном порядке был признан виновным в оскорблении сотрудников милиции и нарушении общественного порядка, совершенном уже после его доставления в отдел милиции № 9.

91. В ходе последующего производства по уголовному делу заявителю были выдвинуты обвинения по трем эпизодам в связи с событиями 4 января 2002 года (см. подробнее об упомянутых обвинениях в вышеуказанном пункте 21). Во-первых, заявитель был обвинен в совершении «хулиганских действий», квалифицируемых в соответствии со статьей 213 Уголовного кодекса, и выразившихся в оскорблении г-жи Ю. и капитана С. а также в нарушении общественного порядка, совершенного сразу же после его доставления в отдел милиции № 9. Во-вторых, он был обвинен в оскорблении представителя власти, квалифицируемого в соответствии со статьей 319 Уголовного кодекса, и выразившегося в высказывании неприличных выражений в адрес майора К., во время пребывания в его рабочем кабинете и в то время как последний производил составление протокола об административном правонарушении. Наконец, в-третьих, он был обвинен в высказывании угроз применения насилия в отношении представителя власти, квалифицируемого в соответствии со статьей 318 Уголовного кодекса, и выразившегося в высказывании в адрес майора К. угроз его убийства во время транспортирования в Грибановский РОВД.

92. Приведенная обобщенная информация о событиях и обвинениях, показывает, что в первом эпизоде заявитель оскорблял г-жу Ю. и капитана С. в помещении паспортного стола, тогда как во втором и третьем эпизодах он оскорблял майора К. сначала в его рабочем кабинете, а затем в машине, а также угрожал ему применением насилия. Следовательно, нет единства во времени и пространстве между этими тремя эпизодами. Из этого следует, что, хотя в сущности эпизоды поведения заявителя в течение всего дня 4

января 2002 года в значительной степени являются однородными – в том, что он по-прежнему в устной форме оскорблял различных должностных лиц – однако его поведение не было непрерывным деянием, и правильнее всего следовало бы расценивать эти эпизоды как различные проявления одного и того же длящегося поведения, продемонстрированного в ряду отдельных ситуаций (сопоставимо с вышеуказанным делом *Raninen*).

93. Что касается второго и третьего эпизодов обвинений, относящихся к майору К., и выдвинутых против заявителя, то следует заметить, что в первый и единственный раз они были сделаны лишь в ходе уголовного судопроизводства. Это не позволяет сказать, что он повторно подвергался судебным разбирательствам за те правонарушения, за которые он уже был окончательно оправдан или осужден. Соответственно, не возникает каких-либо вопросов, применительно к статье 4 Протокола № 7, в связи с его уголовным преследованием на основании статей 319 и 318 Уголовного кодекса.

94. Однако иная ситуация прослеживается на примере с хулиганством, предусмотренном статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях, за совершение которого заявитель впервые был осужден в административном порядке, а затем снова был подвергнут преследованию на основании статьи 213 Уголовного кодекса. Учитывая то же самое поведение проявленное со стороны одного и того же обвиняемого лица и в тот же самый период времени, Суд должен по сути проверить : а были ли факты правонарушения, за которое заявитель уже был осужден и правонарушения, в котором он был позже обвинен, идентичным или по существу теми же.

95. Дефиниция такого правонарушения как «мелкое хулиганство», предусматриваемого статьей 158, включает в себя упомянутые три типа запрещенного поведения: «публично высказываемая нецензурная брань», «оскорбительное приставание к другим лицам-гражданам» и «другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан». Наличие любого из этих элементов само по себе будет достаточно для вывода о виновности. Из них районный суд принял во внимание только два элемента: нецензурная брань и невыполнение законных распоряжений, которые можно истолковать как своего рода «действия, нарушающие общественный порядок».

96. В ходе возбужденного в последующем уголовного дела заявителю было предъявлено обвинение по статье 213 часть 2 пункт «б» Уголовного кодекса. В этой части обвинения стороне обвинения требовалось доказать, что обвиняемый: (а) грубо нарушил общественный порядок или проявил явное неуважение к обществу; (б) применил насилие или угрожал его применением, и (с) оказал сопротивление представителю власти. Обвинение заключалось в том,

что заявитель высказал нецензурную брань в адрес г-жи Ю и капитана С., а также отталкивал последнего и угрожал ему применением физического насилия. В данном случае Суд отмечает, что в задачи суда не входит оценка и решение вопросов в части того : а был ли каждый из этих элементов надлежащим образом обоснован, поскольку, как было отмечено выше, результаты второго судебного процесса не служат обязательным условием применения гарантии, предусмотренной статьей 4 Протокола № 7, и является ли такой элемент достаточным для предания заявителя суду и / или его фактического осуждения по этим обвинениям.

97. Эти факты послужили поводом для предъявления заявителю административных обвинений в связи с нарушением общественного порядка в форме оскорбления сотрудников милиции г-жи Ю. и капитана С. и отталкивания последнего. Те же факты сформировали центральный элемент обвинения по статье 213 Уголовного кодекса, исходившего из того, что заявитель нарушил общественный порядок путем высказывания нецензурной брани, угроз применения насилия в отношении капитана С. и оказания ему сопротивления. Следовательно, факты, изложенные в каждой из этих двух конструкций, отличаются друг от друга лишь единственным элементом, а именно угрозой применения насилия, и он не был упомянут в ходе первого разбирательства. Таким образом, Суд приходит к выводу, что уголовное обвинение по статье 213 часть 2 пункт «б» включало факты совершения правонарушения, предусмотренного статьей 158 Кодекса об административных правонарушениях во всей их полноте, и, наоборот, правонарушение, квалифицированное как «мелкое хулиганство», не содержит каких-либо элементов, не содержащихся в таком правонарушении как «хулиганство». Факты каждого из двух правонарушений необходимо рассматривать как существенно одинаковые, применительно для целей статьи 4 Протокола № 7. Суд уже подчеркивал выше, что данные факты каждого из двух правонарушений служат в качестве общей и единственной точки их сравнения, а потому аргументы Правительства о том, что правонарушения отличаются по тяжести наказания, в этой части сами по себе не влияли и не могли повлиять на отношение к их расследованию.

С. Существовало ли повторное судебное преследование (bis)

1. Заключение Палаты

98. Палата повторяет, что статья 4 Протокола № 7 предусматривает не только право не подвергаться наказанию дважды, она также включает право не подвергаться повторным преследованиям или суду.

Суд также признал, что аргументы Правительства о том, что заявитель в конечном итоге был оправдан в ходе уголовного процесса по обвинению в хулиганстве, не умаляют значение утверждений последнего о том, что он во второй раз был подвергнут преследованию и суду по тому же обвинению.

99. Здесь Палата подчеркивает, что уголовное дело в отношении заявителя было возбуждено и расследовалось тем же милицейским подразделением и рассматривалось одним и тем же судьей. Также было установлено, что российские власти допустили саму возможность уголовного преследования при полном понимании того, что заявитель ранее уже был осужден в порядке административного производства за тоже самое правонарушение.

100. Наконец, Палата установила, что нарушение принципа *non bis in idem* не фигурировало в качестве основания оправдания заявителя. Материально-правовым основанием оправдания заявителя послужил лишь тот факт, что обвинение не доказало вину заявителя в соответствии с требованиями уголовного судопроизводства и предусмотренными в них стандартами доказывания, имеющих отличия от административного судопроизводства.

2. Аргументы сторон

(а) Заявитель

101. Заявитель утверждал, что статья 4 Протокола № 7 должна применяться не только в тех случаях, когда подсудимый вторично предается суду, но также должна применяться и в тех случаях, когда обвиняемый во второй раз подвергается преследованию, причем вне зависимости от того был ли он осужден впоследствии. Он также напомнил, что по делу *Gradinger* данное положение применялось несмотря на то, что лицо по тому делу было осуждено за одно правонарушение, а за другое было оправдано. Кроме того, он подвергался и преследованию и суду, и в конечном итоге был оправдан по обвинениям в совершении такого правонарушения как «хулиганство», хотя еще ранее он был осужден за совершение правонарушения, именуемого как «мелкое хулиганство», тогда как их основные элементы совпадают и являются теми же. По его мнению, эта ситуация представляет собой нарушение принципа *non bis in idem*.

102. Заявитель также утверждает, что его случай отличается от дела *Ščiukina v. Lithuania* (dec., no. 19251/02, 5 December 2006), где национальными судами прямо признавалось, что имело место нарушение принципа *non bis in idem*, учитывая что предыдущее административное осуждение подобную перспективу исключает. В отличие от того дела, в настоящем деле простая ссылка на то, что судом в отношении заявителя в административном порядке уже было

принято решение от 2 декабря 2002 года, не позволяет истолковывать данное обстоятельство как подтверждение нарушения права заявителя не быть судимым дважды. Не говоря уже о том, что принцип *non bis in idem* не был использован при вынесении решения, будь то в качестве одной из норм Конституции, международного права в области прав человека или Уголовно-процессуального кодекса. Даже с точки зрения российского законодательства, заявитель не мог воспользоваться этим принципом во всяком случае, например, в качестве гарантии против повторного преследования, поскольку этот принцип применяется только к «преступлениям», в то время как заявитель был признан виновным в совершении правонарушения, отнесенного к числу как административных. Поэтому заявитель был оправдан не из-за повторяющегося характера обвинения, а из-за отсутствия доказательств, подтверждающих его вину.

103. Заявитель выразил свою тревогу относительно того подхода, который применялся по делу *Zigarella v. Italy* (dec., no. 48154/99, 3 October 2002), согласно которому констатируется отсутствие какого-либо ущерба заявителю, поскольку статья 4 Протокола № 7 признается нарушенной только тогда, когда новое преследование завершается на том основании, что подсудимый уже привлекался к ответственности предыдущим делам.

Он также утверждал о том, что маловероятно, что преследование инициируется без ведома государства, поскольку, как это было всегда, именно в руках государства находится поддержание уголовного преследования. В любом случае, фактическое положение заявителя отличается от того, которое возникло в деле *Zigarella*, поскольку российские власти на протяжении более чем четырнадцати месяцев осуществляли против него уголовное преследование, пребывая в полнейшей осведомленности относительно его предыдущего осуждения.

(b) Правительство

104. Правительство впервые только перед Большой Палатой начало утверждать о том, что заявитель мог бы обжаловать административное постановление в вышестоящую судебную инстанцию. Срок для обжалования составлял десять дней, и мог быть продлен по просьбе одной из сторон. Поскольку заявитель не обжаловал административное постановление, то вследствие этого оно не стало «окончательным» по смыслу статьи 4 Протокола № 7.

105. Ранее, в ходе разбирательства в Палате, Правительство утверждало, что поскольку районный суд оправдал заявителя по обвинению в нарушении общественного порядка, предусмотренного статьей 213 часть 2 Уголовного кодекса, то тем самым были устранены нарушения прав заявителя, допущенные ранее в ходе

предварительного следствия. При судебном разбирательстве второго дела, это дело было прекращено в связи оправданием заявителя по обвинению в нарушении общественного порядка, и, следовательно, не было повторения процедуры преследования. Перед Большой Палатой этот аргумент Правительство уже не приводит.

(с) Третья сторона

106. Третья сторона подвергла критике решение Суда по делу *Zigarella*, по его мнению, вводящее новый критерий применимости, не предусмотренный в оригинальном тексте статьи 4 Протокола № 7, а именно: теперь подразумевается, что цель данного положения эффективна только в отношении новых преследований, инициированных с явным несоблюдением правила *non bis in idem*. Третья сторона также призвала Суд отказаться от этого дополнительного критерия, иначе он будет рискованным для будущего.

3. Заключение Суда

(а) Имеется ли «окончательное» решение

107. Суд повторяет, что цель статьи 4 Протокола № 7 в том, чтобы не допустить повторение уголовного преследования, завершившегося «окончательным» решением. (см. *Franz Fischer*, цит. выше, § 22, и дело *Gradinger*, цит. выше, § 53). Согласно Разъяснения к Протоколу № 7, которое соотносится с Европейской конвенцией о международном признании судебных решений по уголовным делам, «решение является окончательным», «если, согласно общепринятому выражению, оно приобрело силу *res judicata*. Это является бесспорным в тех случаях, когда каких-либо ординарных средств правовой защиты не имеется или когда стороны исчерпали такие средства правовой защиты или даже когда не воспользовались ими в установленный для них срок». Этот подход подробно описан в прецедентном праве Суда (см., например дело *Nikitin v. Russia*, no. 50178/99, § 37, ECHR 2004-VIII, и дело *Horgiag v. Romania (dec.)*, no. 70982/01, 15 March 2005).

108. Решения, которые подлежат обжалованию, исключены из сферы действия гарантии, закрепленной в статье 4 Протокола № 7, до тех пор, пока срок подачи жалобы на них не истек. С другой стороны, исключительные меры, такие, как просьба о возобновлении судебного разбирательства или заявление о продлении истекшего срока, не учитываются в целях определения того, а завершилось ли разбирательства окончательным результатом (смотри дело *Nikitin*, цит. выше, § 39). И хотя эти средства чаще всего представляют собой продолжение первого этапа разбирательства, однако «окончательный» характер решения не ставится в зависимость от их использования.

Важно отметить, что статья 4 Протокола № 7, также не исключает возможности возобновления судебного разбирательства, поскольку это ясно предусмотрено во втором пункте статьи 4.

109. В случае же с тем административным решением от 4 января 2002 года, которое напечатано в стандартной форме, то в нем содержится указание на то, что оно не обжаловано и подлежит немедленному исполнению (см. пункт 19 выше). Однако, даже если исходить из предположения, что его следовало обжаловать в течение десяти дней с момента его вручения, то как заявило Правительством, оно приобрело силу *res judicata* после истечения этого срока. Каких-либо иных обычных средств правовой защиты в распоряжении сторон не имелось. Следовательно, административное решение стало «окончательным», автономно смыслу Конвенции, уже 15 января 2002 года, тогда как уголовное преследование началось 23 января 2002 года.

(b) Препятствует ли оправдание заявителя применению гарантии, предусмотренной статьей 4 Протокола № 7

110. Как и Палата, Суд повторяет, что статья 4 Протокола № 7, не только не ограничивает право не подвергаться повторному наказанию, но также предоставляет право не подвергаться судебному преследованию дважды (см. Franz Fischer, цит. выше, § 29). Если бы этого не происходило, то не было бы необходимости добавлять к слову «наказание» также и слово «преследование», поскольку тогда бы было происходило бы простое дублирование. Статья 4 Протокола № 7 применяется даже в том случае, когда в отношении лица было возбуждено преследование, даже если в дальнейшем результате оно не привело к осуждению. Суд повторяет, что статья 4 Протокола № 7 содержит три самостоятельные гарантии и предусматривает, что никто не может (i) подвергаться суду (ii) преследоваться или (iii) быть наказан за одно и то же правонарушение (см. Nikitin, цит. выше, § 36).

111. Заявитель в данном случае был окончательно осужден за незначительное нарушение общественного порядка и понес за назначенное за него наказание. Позже он был обвинен в нарушении общественного порядка и взят под стражу. Разбирательство продолжалось более десяти месяцев, в течение которых заявитель участвовал в проведении расследования и судебного разбирательства. Таким образом, тот факт, что в конечном итоге он был оправдан по предъявленному обвинению, не умаляет значимость его утверждения о том, что это обвинение являлось повторным. По этой причине Большая Палата, также как и Палата, сочла не убедительными доводы Правительства о том, что не было повторного преследования, поскольку заявитель в конечном итоге был оправдан по предъявленному ему обвинению, основанному на статье 213 часть 2 Уголовного кодекса.

(с) Лишается ли заявитель статуса жертвы вследствие его оправдания

112. Наконец, Суд приступает к рассмотрению альтернативных доводов Правительства, о том, что по причине оправдания по предъявленному обвинению, основанному на статье 213 часть 2 Уголовного кодекса, заявитель лишается своего статуса «жертвы» вследствие допущенного нарушения статьи 4 Протокола № 7.

113. Суд, учитывая ранее установленное, отмечает, что подход, который использовался местными властями в двух процессах, может иметь значение для определения статуса заявителя как «жертвы» допущенного нарушения статьи 4 Протокола № 7 на основе последовательных критериев прецедентного права. Так, например, по делу *Zigarella* (цитируется выше), местные власти в отношении заявителя осуществляли сразу два процесса одновременно. И после того как «окончательное» решение было вынесено в первом процессе, второе разбирательство было прекращено на том основании, что дальнейшее производство по нему будет являться нарушением принципа *non bis in idem*. Суд установил также и то, что власти прямо признали допущенное нарушение, и, в дальнейшем, отказались осуществлять разбирательство второго дела, причем предложили адекватную компенсацию. В этой связи заявитель утратил свой статус в качестве «жертвы» допущенного нарушения статьи 4 Протокола № 7.

114. Суд уточнил данный подход в деле *Falkner*, где обосновывается необходимость обеспечения национальным властям возможности исправить возникшую ситуацию, подобную той, которая сложилась в том деле, с учетом, что первое разбирательство производилось административным органом, не имеющим полномочий по данному вопросу. Поскольку тогда власти впоследствии признали свою ошибку, прекратили дальнейшее разбирательство и возвратили взысканный штраф, то заявитель не смог утверждать, что он пострадал от результатов этих разбирательств (см. *Falkner v. Austria* (dec.), no. 6072/02, 30 September 2004).

115. Поэтому суд признает, что в тех случаях, когда местные власти инициировали два разбирательства, но впоследствии признать допущенное ими нарушение принципа *non bis in idem*, а затем также предложили подходящий способ исправления, например, в порядке прекращения или аннулирования производства по второму делу и ликвидации его последствий, то тогда Суд может признать, что заявитель утратил за собой статус «жертвы». В противном случае для национальных властей на национальном уровне стало бы невозможным устранение ранее допущенного нарушения статьи 4 Протокола № 7, и тогда концепция субсидиарности утрачивала бы значительную часть своей полезности.

116. Возвращаясь к фактам настоящего дела, Суд не видит никаких признаков того, что российские власти в какой-либо момент в ходе

разбирательства признавали бы допущенное принципа нарушение *non bis in idem*. Оправдательный приговор в отношении заявителя по обвинению по статье 213 § 2 Уголовного кодекса не было основан на том факте, что он уже осужден за те же действия в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях. Ссылка на административное производство, завершённое 4 января 2002 года, приведённая в тексте приговора от 2 декабря 2002 года являлась простым сообщением о том, что эти процедуры имели место. С другой стороны, как становится ясно из текста приговора, районным судом были исследованы доказательства в отношении заявителя, и выявлено, что они не соответствуют уголовно-процессуальным стандартам доказывания. Соответственно, его оправдание произведено по существу дела, а не по процессуальным основаниям.

117. Отказ национального суда признать нарушение принципа *non bis in idem*, отличает настоящее дело от дела Ščiukina (цит. выше), где Верховный Суд Литвы прямо признал нарушение этого принципа, со ссылкой на положения литовской Конституции и Уголовно-процессуального кодекса.

118. В российской правовой системе, однако, говорится о недопустимости на повторного преследования в области уголовного правосудия. Тем не менее, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, предыдущее осуждение за совершение по сути аналогичного административного правонарушения, не является основанием для прекращения уголовного дела (см. выше параграф 27). Конституция Российской Федерации защищает человека лишь только от повторного осуждения за одно и то же «преступление» (см. выше параграф 26). Таким образом, в отличие от дела Ščiukina, российские суды не имеют в своем распоряжении таких норм закона, которые позволили бы им избежать повторного разбирательства в ситуации, когда подсудимый предается суду даже тогда, когда он или она уже были окончательно осуждены или оправданы в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях.

119. В свете вышеизложенных соображений, Суд приходит к выводу, что заявитель хотя и был оправдан по обвинению, предъявленному на основании статьи 213 часть 2 Уголовного кодекса, однако это не лишает его статуса «жертвы» вследствие допущенного нарушения статьи 4 Протокола № 7.

D. Выводы и заключения

120. Суд нашёл выше, что заявитель был осужден за «незначительные нарушения общественного порядка» согласно административной процедуре, которая должна быть отнесена к «уголовной процедуре» в рамках автономного смысла этого термина в

Конвенции. После того как осуждения стало «окончательным», ему был предъявлен ряд уголовных обвинений. Из них большинство указывало на поведение заявителя разное время и в разных местах. Тем не менее, обвинение в «нарушении общественного порядка» указывает на точно такое же его поведение, что и в предыдущем случае, когда он был осужден за «незначительные нарушения общественного порядка», а также описывает по существу те же самые факты.

121. В свете вышеизложенного, Суд считает, что уголовное дело, возбужденное в отношении заявителя в соответствии со статьей 213 часть 2 пункт «б» Уголовного кодекса, было связано в основном с одним и тем же правонарушением, за которое он уже был осужден на основании окончательного решения, вынесенного в соответствии со статьей 158 в Кодекса об административных правонарушениях.

122. Следовательно, имелось нарушение статьи 4 Протокола № 7.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

123. Статья 41 Конвенции предусматривает :

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

124. В ходе разбирательства в Палате, заявитель оставил вопрос по определению суммы компенсации за моральный ущерб на усмотрение Суда. Палата присудила ему 1500 евро (EUR).

125. Заявителю не было предложено подать новые требования в части связанной с разбирательством в Большой Палате.

126. Суд не видит каких-либо оснований отходить от той оценки Палаты, сделанной на равноправной основе. Соответственно, он присуждает заявителю 1500 евро за нематериальный ущерб, а также любые налоги, которые могут быть отнесены на эту сумму.

B. Издержки и расходы

127. В ходе разбирательства в Палате заявитель утверждал, что оплатил 12700 рублей за работу двух адвокатов во внутреннем разбирательстве, 500 евро за десять часов работы его представителя г-на Коротева и 300 фунтов стерлингов (GBP) за три часа работы г-на

Лича в разбирательстве в Страсбурге и 138,10 фунтов стерлингов за расходы на перевод.

Палата присудила ему 1000 евро в возмещение издержек и расходов, а также любые налоги, которые могут быть отнесены на эту сумму.

128. Заявитель просил дополнительно 1,724.70 евро и 4946 фунтов стерлингов в связи разбирательством в соответствии со статьей 43 Конвенции. Эти суммы были разбиты на 1380 евро за 23 часа работы г-на Коротеева, 4017 фунтов стерлингов за 40 часов и 10 минут работы г-на Лича, 344.70 евро и 159 фунтов стерлингов за их проезд и за расходы на их проживание в Страсбурге, а также 770 фунтов стерлингов за административные расходы и перевод.

129. Правительство утверждало, что эти требования «противоречат принципу разумности и целесообразности издержек и расходов». Они также утверждали, что административные и переводческие расходы не были достаточно детализированы.

130. Согласно прецедентному праву Суда возмещение может быть сделано в отношении издержек и расходов, понесенных заявителем лишь в той мере, в какой они были фактически понесены, и если они являются разумными и соразмерными (см. *Belziuk v. Poland*, 25 March 1998, § 49, Reports 1998-II).

131. В данном случае Суд отмечает, что заявитель был представлен г-ном Коротеевым и г-ном Личем с самого начала разбирательства. Суд убедился в том, что представленные ставки и затраченные часы, являются разумными, и что эти расходы были фактически понесены заявителем на его представителей. Исходя из документов, прежде всего Суд присуждает заявителю EUR 9000 в отношении издержек и расходов, а также любые налоги, которые могут быть возложены на заявителя, при этом возмещение будет выплачиваться на указанный заявителем банковский счет его представителей в Соединенном Королевстве.

С. Процентная ставка при просрочке

132. Суд считает целесообразным, чтобы по умолчанию пени было рассчитано исходя из предельной кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которой следует добавить три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Отклоняет возражения Правительства
2. Постановляет, что допущено нарушение статьи 4 Протокола № 7;

3. Постановляет:

а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев следующие суммы, которые могут быть конвертированы в российские рубли по ставке, действующей на дату расчетов

(i) EUR 1500 (одна тысяча пятьсот евро) в качестве возмещение морального вреда, плюс любые налоги, которые могут быть начислены;

(ii) EUR 9000 (девять тысяч евро) в качестве возмещения издержек и расходов, плюс любые налоги, которые могут быть отнесены на заявителя, с перечислением этих средств на банковский счет представителей в Соединенном Королевстве;

(b) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты, на эти суммы должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

Совершено на английском и французском языках и оглашено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 10 февраля 2009 года.

Michael O'Boyle,
заместитель секретаря

Jean-Paul Costa,
председатель